

МАЙЯ И ИЕРОНИМ

РАССКАЗ

—
АННА БАРТНОВСКАЯ
Родилась в 2000 году
в Москве. Училась в РГГУ.
С 2022 года студентка Литературного института имени Горького (семинар прозы Л.А. Юзефовича).

Прислонившись к холодной плитке душевой, она слушала, как стекают по плечам капли, книзу превращаясь в единую струйку и шумно соединяясь со скользящим по полу потоком. Хорошо пахло хлоркой и казенным лавандовым мылом спортивного комплекса «Святой Георгий». От Феде тоже пахло лавандой, но по-своему: он приносил этот запах откуда-то из дома, и Майе смутно казалось, что в его жизни успели сыграть болезненную памятную роль неизвестные ей женщины. Он красиво плавал, у него были родинки на лопатках и на плечах, в тених крепких рельефных мышц. Когда, вылезая из воды, он отряхивался, весь как-то по-собачьи вздрагивал, сморкался и ежился, Майя с перехватывающей дыхание тоской смотрела, как его спина покрывалась гусиной кожей. Еще ей нравились его отросшие чуть ниже уха черные волосы, то, как он машинальным движением убирал их наверх, обнажая высокий и чистый, как у быстро подросших годовалых детей, лоб. Если честно, с этого все и началось, — потом, конечно, Майя говорила, что ей ни с кем не было так интересно и никто так не умел подобрать правильные слова о любом мало-мальски занятом предмете, но Федя первый в это не верил.

Он был младше ее на несколько месяцев и немножко этого стеснялся, хотя без макияжа она вполне сошла бы за его младшую сестру. Сначала

они разговаривали только в кафетерии на первом этаже. С удовольствием ощущая со всех сторон тепло — от многослойности сухой одежды и медленно остывающего кипятка, которым тут без жалости заливали пакетики индийского чая, — Майя часто улыбалась, пытаясь казаться остроумной и немного легкомысленной. Ему совершенно не обязательно должны были нравиться такие девушки, но ей так чувствовалось, вернее, она бы не удивилась, окажись это правдой.

Через месяц Федя сказал, что до конца сессии не будет продлевать абонемент, поэтому пора им уже начать дружить. У него оказался эстетичный инстаграм и хорошая инди-музыка в сториз, и Майя с волнением стала догадываться, что сдаст позиции куда быстрее его. Конечно, в ней тоже что-то было, чем она гордилась: тонкие запястья с длинными фалангами пальцев, высветленные короткие волосы, которые сами слегка вились и опоясывали скулы воздушным полукругом, еще, пожалуй, почти совершенно здоровые зубы и обаятельная улыбка. Майя знала, что ей очень шло смеяться, и иногда уже на первых парах видела, как Федя, замороженный этим смехом, невольно улыбается ей в ответ. Собственно, на это она и делала главную ставку.

Той же зимой Майя посмотрела в расписании, где Федя сдавал экзамен по правоведению, и со-

рок минут ходила вдоль по коридору туда и обратно, пока парень наконец не вышел из аудитории, какой-то по-новому красивый, румяный и бледный одновременно. Тогда она улынулась, а он, собираясь обняться, зачем-то взял ее за руку и долго не отпускал. Федя вышел на повышенную стипендию и чувствовал себя победителем, а Майе казалось, что она провернула какой-то ловкий план.

Федя. Он сразу нравился всем ее родным и друзьям. Он вообще всем нравился и так, словно они тоже видели эти родинки на лопатках, капли с хлоркой и гусиную кожу, словно угадывали их в нем в первую же встречу.

Майе приходилось немного запрокидывать голову, когда он целовал ее, в свою очередь наклоняясь вниз. Ей хотелось нарисовать его так, как только она видит, как будто все остальное было неправдой, но она не умела рисовать и руки так ни разу и не дошли. Когда они расстались спустя несколько месяцев, она еще не успела привыкнуть, что из всех девушек он вдруг выбрал ее. Понять, почему она сама выбрала его из десятка симпатичных парней вокруг, Майя тоже не успела. Осталось только какое-то тяжелое чувство, как после глупой оплошности, разбитого телефона: было столько возможности не ошибиться, быть хоть немного аккуратней, а ты умудрилась, и ничего не вернуть. Колочая и горячая обида на Федю, холодное, безмянное ощущение собственной вины. Ей казалось, что между ними по крайней мере ничья.

В апреле она пришла на кружок востоковедения в заочное крыло. Им выделили на последнюю пару наполовину кафедру, наполовину кабинет из трех узких рядов парт. Там были еще маленькие темные окна вовнутрь, новые, наспех заполненные книгами, шкафы, так что аспиранты каждую неделю заново перерывали все в поисках старых методичек, и груды еще не разобранных после ремонта и переезда коробок на полу и столах. А в одном из шкафов в широком промежутке между книгами стоял бюст древнего мыслителя с таким мрачным лбом, словно за последнюю тысячу лет он так и не решил своей главной задачи, не реализовался. Когда Майя первый раз сюда пришла, она попросила одну группу фотографировать их вместе.

- А что за мужик-то? – спросила та.
- Не знаю, – чуть-чуть хихикая, сказала Майя. – Иероним.
- Ну, допустим. Здравствуй, Иероним!

Этруски гадали на печени. И еще им было не очень интересно будущее. Они резали скот, чтобы спросить у божества, что оно думает.

Зачем она так забрасывает себя делами, а потом волнуется, если не все получается? Отчего не разрешит дать себе время подумать о них с Федей и собраться с силами? То, что сейчас не болит, не значит, что повреждений нет. Его порозовевший на морозе нос, когда они на каникулах вдвоем ездили на один каток за другим. На ВДНХ она упала трижды, в парке Горького падали вместе, на Речном вокзале решили померить энтузиазм, пили глинтвейн и снимали друг друга на пленку. Ей теперь будет не хватать этого взгляда на Федю со стороны, когда смотришь и «а ведь он мой, такой ладный, высокий, мой и ничей больше!». Правда, как жалко, что она ошибалась и он был больше общий, чем ее. Даже вряд ли Майя могла загадочно сказать, что знала его, как никто другой, что они срослись душа с душой. Душа с душой. Вовсе нет. Она любила его немножко, как хрупкая Руфь сильного Мартина Идена. Да нет, Иероним, не очень-то она его любила.

Но все равно было грустно. Таяли дни. Зимой – это когда только разошедшийся день вдруг темнеет и за какие-то полчаса погружается в полные сумерки, к этому в целом привыкаешь. А весной все дается тяжелей. Несправедливо устроено, вся природа просыпается отдохнувшей, а человек никогда не спит и приходит в весну с авитаминозом, аллергией, нервными расстройствами и лишними кило. Весной дни тают по-другому. Из солнца, синевы и воздуха счастливый день медленно истончается и напоследок растекается бледной чахоточной улыбкой. Почему-то каждый раз кажется, что он не уснул до первой зари, а в самом деле умер, не поэтически, а окончательно.

Так и повелось: заходя в кабинет, обязательно здороваться с Иеронимом. Майя старалась садиться поближе к его шкафу, тогда, заскучав, можно было мысленно или едва-едва, шепотом, рассказывать ему что-то. Вот уж чего ей не хватало в своей комнате. Она видела в магазине для художников бюсты античных богов и политических деятелей. Можно было бы со следующей стипендии купить какого-нибудь Гефеста или Дзержинского, раскрасить ему усы и разговаривать сколько влезет. Только это будут какие-то Гефест и Дзержинский, а Иероним все-таки уже не чужой человек. Поэтому пока она разговаривала с ним.

- Знаешь, это самое душное помещение в университете. С такими окнами даже шторы не нужны,

Она молчит, Федя тоже скоро замолкает, и всю дорогу только они не участвуют в общем разговоре. От этого кажется, что он шагает совсем рядом, почти плечом к плечу, и что они разговаривают о чем-то своем. Но ничего не происходит, ни разговора, ни прикосновения. Однако потом Майя ощущает в своем роде приятное волнение, прожитый день видится удавшимся И МИЛЫМ.

погасил свет – и можно пленку проявлять, – шептала она ему. – И хорошо тебе тут торчать? А ведь было когда-то Средиземное море, масло, виноград, вакханки. Мельчают наши заботы, и условия портятся. Спрашивается, и ради чего это все? Я тоже так хочу на море, Иероним.

В конце недели Валентин Павлович попросил занести ему на ту же кафедру их рефераты. Майя смогла прийти только вечером после пар, поступалась, но никого не было. Тогда она, коротко подумав, все равно зашла, чтобы оставить папки на столе.

– Ну, здравствуй, Иероним, – подмигнула она гипсовому бюсту. – Это тебе сюрприз. Не ожидал, что зайду?

– Только положи их лучше на дальний стол – Валентин работает там, – ответил он.

Она послушалась, а потом вернулась к нему и с небольшим огорчением сказала:

– Почему же ты молчал? Я бы не говорила тебе столько пустяков.

– А толку – чтобы отвлекать тебя от лекции?

Майя была вынуждена согласиться.

– Послушай, Майя, – сказал Иероним. – Не рассказывай никому.

– Конечно! Я что, не понимаю, что ли? – горячо закивала она.

Снег еще собирался было каждое утро замести университетский двор, но таял в шагах первых же прохожих. Вечера гасли позже, можно было снова ездить в бассейн и возвращаться засветло. Но Майя не ездила, хотя руки порой начали немного ныть от тоски по брассу и баттерфлюю.

Она идет от университета в метро с друзьями, с ними равняется его компания, ребята-футболисты здороваются между собой. Она молчит, Федя тоже скоро замолкает, и всю дорогу только они не участвуют в общем разговоре. От этого кажется, что он шагает совсем рядом, почти плечом к плечу, и что они разговаривают о чем-то своем. Но ничего не происходит, ни разговора, ни прикосновения. Однако потом Майя ощущает в своем роде приятное волнение, прожитый день видится удавшимся и милым. Она думает о Феде с благодарностью и участием, с каким старшие ласково треплют голову младшим.

– Знаешь, я бы с легким сердцем все тут оставила. И если бы не была такой ленивой, то опаздывала и не приходила бы каждый день, – мысленно говорила Майя гипсу.

Тот понимающе и хмуро смотрел на нее в ответ.

Вечером она еще раз поднималась на кафедру и слушала у двери – если там никого не было, Майя заходила передать привет Иерониму. Ей было жаль оставлять его тут на ночь и хотелось однажды как-нибудь забрать с собой, но она не представляла, что делать, если ее поймут с личным. Иероним интеллигентно прощал ей эту нерешительность, но она видела, что втайне он продолжает надеяться.

В среду она встретила Федю на выходе из столовой. Он поздоровался на ходу, но потом, смутившись, остановился. Майя тоже смутилась. Повезло, что его нагнал какой-то парень, его друг. Он простодушно влез между ними и весело спросил:

– О чем разговор?

Майя, глядя куда-то в Федин подбородок, громко сказала:

– Какие у тебя любимые слова на «с»?

– Сизый и сурьма, – незамедлительно ответил он, и у нее сразу же неприятно кольнуло в груди, потому что она сучала по нему.

Коридор от лестницы до кафедры был всегда особенно темный и пустой и производил впечатление любого заброшенного переулочка на Таганке или уставшей девочки-олимпиадницы, в одиночестве возвращающейся от репетитора на электричке домой. Там растворялись любые звуки, смягчался каждый шаг и эхо пропадало в невидимых застенных пространствах. Маленькая скучная кафедра без картинок, календарей на стенах и растений в кашпо. Учебный востоковедческий абсолю́т, никаких точных свидетельств нынешней реальности, кроме телефонного аппарата с трубкой на пружинке. Рыжая мебель, порывший ламинат, рыжизной ослепшая лампочка накаливания.

Почему этруски предпочитали гадать по печени, а не сердцу, например?

Смешливая второкурсница опоздала и, пробираясь к свободному месту, на ходу поздоровалась с Иеронимом. Валентин Павлович удивленно вскинул брови.

– Это за какие заслуги вы Геродота так обозвали?

Девочка прыснула, все волной подхватили смех. Майя прикусила губу и краем глаза с подозрением оглядела бю́ст.

– Вот так номер, – обиженно шепнула она ему.

Ближе к маю зарядили дожди. Бывало, дождь начинал лить ночью и не заканчивался, когда Майя уже ехала домой. Однажды она пришла на кружок раньше всех, увидела Иеронима и спросила у него:

– Ты ведь слышишь здесь, как оно льет по крыше?

Он сказал ей:

– Да, и мне кажется, дождь не кончается уже сто часов. Хотя нельзя отрицать, что я мог задремать и пропустить, когда он решил отдохнуть.

– Я заберу тебя, Иероним, – сказала Майя. – Я хочу, чтобы у тебя снова было Средиземное море.

Она вытащила из сумки тетради и книгу, сняла гипс с полки и осторожно убрала его туда. Потом она ушла по маленькой пожарной лестнице, чтобы никто из востоковедов не увидел ее уходящей так рано, и ехала в метро, прижимая сумку с Иеронимом к груди. Руки были заняты, и Майя не могла держаться за поручень и неловко покачивалась на каждом вираже, а на улице не могла натянуть капюшон своей кофты, и скоро быстро согревающиеся капли стекали у нее по носу в уголки губ, она облизывала их и пыталась утереться рукавом. Дома Майя поставила Иеронима на низкий письменный стол, на котором она учила уроки двенадцать лет подряд и медленно выцарапыва-

ла ряд рубцов вдоль дверцы выдвижного ящика, и они стали друг на друга смотреть. Майя смотрела задумчиво и грустно, а Иероним – по-прежнему мрачно и несколько разочарованно.

– Ладно, наверное, пора, – сказала Майя и стала собираться.

На входе в спортивный комплекс «Святой Георгий», если пронесишь большую сумку, надо было обязательно показывать, что внутри. Поэтому Майя на всякий случай положила Иеронима в шопер, а сверху – купальник и полотенце. Вечером в бассейне, как правило, было очень много пожилых женщин, слабо похожих на вакханок. Майя немного беспокоилась, что Иероним испытает что-то вроде разочарования. Она убрала его в ящичек для одежды, переоделась, надела шапочку и, только дождавшись, пока переоденутся и уйдут какие-то дамы, вытащила его вновь и устроила у себя на коленках.

– Это очень мило – то, что ты делаешь для меня, Майя, – сказал Иероним. – Мне надо собраться с чувствами, я в них сейчас совершенно потерялся.

Она с уважением мягко коснулась его головы и встала. Выглянула из коридора в бассейн: все открытые дорожки были заняты, но народу было немного. Она поставила Иеронима за тумбу из голубой влажной плитки и пошла плавать. Ей представлялось, что надо сначала переждать, пока народу станет еще меньше, а потом, может быть, Иероним тоже захочет искупаться.

Майя два раза проплыла дорожку, болтая ногами и с наслаждением чувствуя, как обволакивает их мягкая прохладная вода и вежливо подталкивает ее тело вверх каждый раз, когда она ныряет с головой. Ей нравилась голубизна стен бассейна, голова кружилась от блеска влажных стен, прохлады и воспоминаний о зиме, декабре и запахе казенного лавандового мыла.

Она вынырнула, с непривычки неловко влезла на бортик и продолжила вот так болтать ногами в воде.

– А я тебя отчего-то в шапочке сразу же узнал, – сказал вдруг Федя.

Он был уже мокрый, с включенными влажными волосами, но Майя почему-то до сих пор не замечала, что он тоже был здесь.

Она внимательно посмотрела на него снизу вверх, еще не поняв, чего можно было ожидать от ситуации и от себя. На всякий случай спросила:

– Почему этруски предпочитали гадать по печени, а не по сердцу, например?

Федя нахмурил лоб с розовой полоской от снятой шапочки, пожал плечами.

– Черт их знает, они и по грозе гадали.

Майя отвела взгляд, который тут же потерялся в слабо плещущейся зеленоватой волне, согласно кивнула, мол, в самом деле.

Она поплавала еще полчаса на дальней от Феди дорожке. Они больше не разговаривали. Она снова растеряла решимость и передумала купать Иеронима. Когда надоело плавать, Майя просто вылезла на бортик и поскорей пошла к голубой тумбе, чтобы никто не обратил на них внимание. Она присела к нему и сказала:

– Мы, наверное, сейчас поедem домой. А покупаться ты можешь в нашей ванне.

Иероним с единожды мигнувшей в глазах грустью сказал ей:

– Ты и так очень старалась для меня, Майя. Только поставь меня на тумбу, чтобы я посмотрел, как плавают и отдыхают эти пловцы, какие у них крепкие молодые тела и какие брызги они поднимают.

Майя про себя не очень согласилась с ним, но послушалась, поставила его на тумбу и встала впереди, чтобы его бюст хотя бы не всем бросался в глаза. Иероним смотрел и немного разочаровывался, наблюдая этих пожилых, но веселых дам, нарезающих один круг за другим. Федя подошел к ней со спины, шлепая по влажной плитке, но она все равно не услышала и испугалась.

– Только сейчас заметил, – удивился он и мокрым указательным пальцем слегка коснулся гипсового носа. – Интересно, зачем его сюда поставили.

В каплях на его плечах рябью прятались частые родинки, а к маю у переносицы и на носу появились еще и тесные тени веснушек. От плавания они особенно сильно выделялись на побледневшем лице под светом больших белых ламп.

– Наверное, это какой-то покровитель спорта.

Может быть, Аполлон или Гермес, – взволнованно и сбивчиво ответила Майя.

– Нет, какой там. – Федя вскинул брови. – У них никогда не было такой бороды и лба такого тяжелого. Ну, значит, здравствуй, Иероним.

